

Цзян Чжэн подошла вперёд и указала на розовое вечернее платье:

— Попробуй это, мне кажется, оно идеально подойдёт такой молодой и красивой девочке, как ты.

«Молодая и красивая девочка» не говоря ни слова взяла рядом лежащее светло-фиолетовое платье и, развернувшись, направилась за ширму.

Цзян Чжэн надула губы и, словно призрак, подкралась к Чаншэн сзади:

— Этот цвет старомодный, в нём совсем нет жизненной силы.

Чаншэн, только что снявшая одежду, в замешательстве прикрыла грудь и гневно уставилась на Цзян Чжэн:

— Выйди!

Цзян Чжэн с пренебрежением пожала плечами и, указав на ещё не полностью развившуюся грудь девушки, сказала:

— У тебя есть то, что есть и у меня, только у меня больше. Чего ты стесняешься? Мне неинтересно твое «поле для посадки самолётов».

Для Цзян Чжэн, будь то шестнадцатилетняя Чаншэн или девятнадцатилетняя три года спустя, она оставалась всего лишь маленькой девочкой.

Однако, несмотря на разницу в возрасте, эта девочка с детства занималась боевыми искусствами и даже побывала на поле боя. Её взгляд был настолько пронзителен, что Цзян Чжэн не могла устоять перед ним и, вздохнув, повернулась спиной, скрестив руки за спиной, и, отвернувшись от Чаншэн, закатила глаза.

— Что значит «поле для посадки самолётов»? — спросила Чаншэн, одеваясь, и задала вопрос, который давно её интересовал.

Цзян Чжэн не стала подробно объяснять, лишь ответила:

— Это местное выражение, означает маленькую грудь.

Чаншэн глубоко вздохнула и больше ничего не сказала. Надев вечернее платье и туфли на каблуках, она распустила собранные в хвост волосы, и тонкие пальцы, скользя по длинным волосам, вышли из-за ширмы. Несколько шагов — и она оказалась перед зеркалом. Сев перед ним, она на мгновение задумалась.

В отражении зеркала девушка выглядела немного юной, но в её зелёных глазах читалась сложная эмоция, не свойственная этому возрасту.

776 год имперского календаря. Принцессе Чаншэн исполнилось шестнадцать лет. Она ещё не знала огня войны, не переживала разлук и потерь, но в её сердце уже запечатлелся шрам от будущей войны и предательства, который стал тяжёлой ношей, которую она одна должна была нести. И у неё не было выбора, кроме как идти вперёд без колебаний.

Лёгкий, почти неуловимый вздох Чаншэн не ускользнул от внимания Цзян Чжэн.

— Чаншэн, ты не одна, — Цзян Чжэн тихо подошла к ней, наклонилась и, приблизившись к её

уху, мягко прошептала. — Не забывай, что я с тобой.

Её голос звучал прямо у уха, не так, как обычно, с лёгкой долей сарказма, а скорее как в тот день поражения, в хаосе, когда звучали нежные слова поддержки. Не было тёплого дыхания, не было ни капли тепла, но они легко пробудили глубокую благодарность в её сердце.

Однако в зеркале не было отражения Цзян Чжэн. Чаншэн инстинктивно протянула руку, чтобы прикоснуться, но пальцы прошли сквозь её тело.

Эта девушка, которая говорила ей «я с тобой», в конечном итоге была нереальным человеком.

Цзян Чжэн, прожившая жизнь, полную обмана, встречала самых разных людей и знала, что означают слова и выражения. Она выпрямилась, размяла шею и сказала:

— Ах, нет, ты одна, но рядом с тобой есть призрак.

Сказав это, она щёлкнула пальцами и подняла бровь.

Чаншэн посмотрела на Цзян Чжэн, некоторое время молчала, затем достала из шкафа синий кристалл и, встав, сказала:

— Пойдём со мной.

— Куда? — Цзян Чжэн быстро последовала за Чаншэн, немного растерянная.

Праздничный ужин Тафэйлэ вот-вот должен был начаться. Чаншэн, приподнимая подол платья, бежала вперёд, словно соревнуясь с солнцем в скорости.

Цзян Чжэн искренне восхищалась физической подготовкой тех, кто занимался боевыми искусствами. Даже на каблуках они могли быстро бегать. Если бы она не была душой, а человеком, она бы точно не успевала за Чаншэн.

Когда солнце скрылось за далёкими горами, человек и призрак, один за другим, оказались у подножия высокой башни, уходящей в облака.

Цзян Чжэн видела эту башню издалека. В городе Талань все знали о её существовании.

Никто не знал, когда была построена эта башня, и никто не знал её первоначального названия. Люди знали только, что она стояла здесь ещё до основания империи и тысячу лет не падала. Позже предки основали город Талань и дали башне название Жуюнь. С тех пор поколения стражей государства жили здесь.

— В Башне Жуюнь хранится бесчисленное множество книг, и все поколения стражей государства обладали великой мудростью, — Чаншэн подняла кристалл в руке, её взгляд был полон решимости. — Господин Рон! Чаншэн просит аудиенции!

Синий свет вырвался из кристалла и устремился в небо.

После нескольких минут тишины на земле внезапно появился массив телепортации.

— Принцесса Чаншэн.

Из массива раздался старческий голос, и через секунду из него вышел добродушный старик в белых одеждах, с белыми волосами и длинной бородой. Он слегка поклонился Чаншэн и

сказал:

— Праздничный ужин принца Тафэйлэ скоро начнётся. Почему вы пришли в Башню Жуюнь, а не в Талань?

— Господин Рон, у меня есть вопрос, — Чаншэн положила правую руку на плечо и глубоко поклонилась. — Слышали ли вы о технике воскрешения?

Пожилой маг на несколько секунд замолчал, затем развернулся и вернулся в массив:

— Принцесса, пройдёт.

Чаншэн быстро вошла в массив телепортации, за ней последовала Цзян Чжэн. Перед их глазами мелькнул ослепительный свет, и, когда он рассеялся, они оказались внутри башни.

Цзян Чжэн подошла к окну и посмотрела вдаль. Вдали последние лучи солнца, казалось, поджигали облака, окрашивая их в красный, как огонь, цвет. Тени на облаках были тёмными, и, переливаясь, они соприкасались с бледным небом, словно волны на море, на которых горел неизвестный огонь.

Это создавало ощущение, будто ты находишься в море, и в следующую секунду волны поглотят тебя.

Цзян Чжэн невольно почувствовала страх, отвернулась и, прикрыв грудь, посмотрела на Чаншэн внутри башни.

Среди аккуратно расставленных книжных полок бесчисленные книги сбивали с толку. Чаншэн следовала за стариком, и вдруг он остановился, что заставило её напрячься.

Старик достал из шкафа безымянную книгу, его морщинистые пальцы перелистывали пожелтевшие страницы, и вдруг он остановился. Он взмахнул рукой, и строки текста появились перед ними в виде светящихся символов.

Согласно записям, на континенте Айэрхэ когда-то существовала Бессмертная Птица.

Бессмертная Птица была похожа на огромного орла, её перья частично были золотыми, частично ярко-красными, словно она купалась в крови и огне. Её тело было бессмертным, а душа вечной. Люди называли её Феникс.

Феникс исчез в лесу Воды, где издревле жили эльфы.

Ходили слухи, что в лесу Воды росло Древо Жизни, которое эльфы поколениями почитали и охраняли. Говорили, что оно было источником жизни всего Воды. Жизнь и смерть Древа Жизни были тесно связаны с судьбой Воды. Было даже пророчество, что в день, когда Древо Жизни засохнет, Вода постепенно превратится в безжизненную пустыню.

Злонамеренные представители других рас принесли в Воду цветок сердечного демона, который разъедал разум. Под предлогом дружбы они тайком нашли Древо Жизни и посадили его рядом.

Цветок сердечного демона за несколько дней сросся с корнями Древа Жизни, и всё больше эльфов, приближавшихся к Древу, оказывались под влиянием демона и убивали друг друга.

Эльфы выкорчевали корни цветка, но Древо Жизни продолжало увядать. Чтобы спасти Воду, эльфы любой ценой нашли Феникса и убили его, взяв его кровь, чтобы полить Древо Жизни. В

ту ночь Древо Жизни засияло мягким светом, который распространился по всему Воду, коснувшись мёртвых деревьев и тел, даря им новую жизнь.

С тех пор в мире больше не было бессмертного Феникса, но у эльфов появился бессмертный жрец, который вечно охранял Древо Жизни.

— Древо Жизни...

Чаншэн посмотрела на Цзян Чжэн, сидящую у окна, и для пожилого мага это выглядело так, будто она задумалась, глядя в окно.

— Принцесса, это всего лишь легенда. Никто не видел Древо Жизни, и никто не видел того бессмертного жреца. Рождение, старение, болезнь и смерть — это естественный порядок вещей. Зачем пытаться изменить его?

Он аккуратно закрыл книгу и медленно вернул её на место:

— Всё в мире вечно. Жизнь — это лишь этап вечности, а смерть и перерождение в мире — это лишь часть вечного пути.

Он прищурился, глядя на Чаншэн, его светло-серые глаза были невероятно глубокими:

— Принцесса, не забудьте о праздничном ужине принца Тафэйлэ. Вы опаздываете.

Цзян Чжэн по знаку Чаншэн подбежала к ней, и Рон произнёс заклинание. Массив телепортации появился у их ног, и через несколько секунд свет рассеялся, и они оказались на вершине Талань.

<http://bllate.org/book/16480/1497004>